

MILHIST

INFO

Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г.

Статья посвящена сражению, результатом которого стало присоединение к Великому княжеству Московскому богатых северных двинских земель Новгородской республики. Автор предпринял попытку точно локализовать место события и заново рассмотрел вопрос о составе рати Великого Новгорода.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 46-68.
<http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014)

www.milhist.info

2014г.

www.milhist.info

К ИСТОРИИ СРАЖЕНИЯ НОВГОРОДЦЕВ С МОСКВИЧАМИ НА РЕКЕ ШЕЛЕНГЕ 27 ИЮЛЯ 1471 г.

Как современники московского похода на Новгородскую землю летом 1471 г., так и позднейшие исследователи, уделяли основное внимание Шелонской битве, решившей исход войны: новгородцы были разгромлены и в скором времени согласились на жесткие условия Коростынского перемирия. Однако, военные действия в то лето разворачивались не только в Приильменье, но и на Северной Двине. В результате обширные новгородские владения там отошли Москве за семь лет до присоединения самого Великого Новгорода. Так решился многовековой спор между Республикой и великокняжеским «Низом» за обладание богатыми промыслами двинскими землями.

В июле 1471 г., по приказу младшего брата Ивана III Андрея Меньшого, отряд вологодского воеводы Семена Сабурова пограбил села и погосты на Кокшенге, захватив «полон» из числа местного населения. Примерно в то же время судовая рать великокняжеских воевод разгромила на Северной Двине большую новгородскую судовую рать. Об этой победе сообщают почти все основные современные событию летописи, поскольку она имела решающее значение для подчинения обширных северных земель Великому княжеству Владимирскому и Московскому.

Согласно московскому великокняжескому своду конца XV столетия (далее — МЛС), 31 мая 1471 г. великий князь Иван III послал судовую рать под командованием своих воевод Василия Образца и Бориса Слепца Тютчева из Москвы на Двину. С прошлой осени там уже находились новгородские служилый князь Василий Васильевич Гребенка Шуйский и воевода Василий Никифорович, которые могли мобилизовать двинян на главное направление военных действий, в Приильменье.

Отряды Образца и Слепца Тютчева какое-то время плыли раздельно —

первому было велено прибыть в Устюг для мобилизации устюжан, а второму — плыть в Вятку призывать на помощь вятчан¹. Последние не были лояльны к Москве, но с Новгородом отношения у них складывались еще хуже, поэтому Иван III не зря рассчитывал на их содействие. Устюжский и вятский отряды, надо думать, представляли собой в первую очередь ополчения горожан, а не служилые войска. Вятка, как и Новгород, являлась вечевой республикой, а Устюг, как и Вологда, в XV в. сохранял сильное земское ополчение. Да и в период Московской Руси в Устюге, как и в других местах неплодородного Русского Севера, так и не возобладало поместное землевладение, и по-прежнему важное значение сохраняли земские ополчения².

Следует отметить, что по Ермолинской летописи в отряде этих московских воевод были и вологжане³. Но, как указал Ю.Г. Алексеев, есть основания полагать, что они на самом деле участвовали в рейде на Кокшенгу по приказу Андрея Меньшого, которому и подчинялась в то время Вологда⁴. Добавим, что согласно Типографской летописи, этот князь послал в поход вологодского воеводу Сабурова с «людми своими»⁵, то есть вологжанами. Таким образом, вопреки Ермолинской летописи, в составе судовой рати великокняжеских воевод они быть не могли. Битва на Двине, окончившаяся разгромом новгородской силы, имела для покорения Двинских земель значительно большее значение, чем грабительский поход на Кокшнегу воеводы Сабурова, о котором практически не осталось упоминаний в источниках, не считая разве что вышеуказанного известия Типографской летописи. Поэтому монах–составитель Ермолинской летописи, не являвшийся очевидцем и участником этих событий, мог попросту перепутать и объединить всех северных московских союзников в одну победоносную судовую рать.

На Двине отряды Образца и Слепца Тютчева встретились. Местом их соединения, надо полагать, служил тот же Устюг — с Вятки на Двину ближайший водный путь был оттуда, кроме того, там можно было проплыть почти не пересекая рубежей Новгородской земли и не рискуя столкнуться на Двине с новгородскими силами.

По данным Устюжской летописи, столкновение объединенного московского войска с новгородской ратью Гребенки Шуйского и боярина Василия Никифоровича произошло на реке Шеленге 27 июля, на день Святого Пантелеймона⁶. На эту дату указывает и МЛС, согласно которому великий князь 27 числа в субботу выехал на берег озера Ильмень близ Коростыни, а в тот же день был и бой его воевод с «двиняны»⁷.

Согласно летописям, новгородские суда двигались навстречу москвичам⁸. Как уточняет Типографская летопись, первые плыли вверх по Двине, в направлении Устюга, а вторые спускались вниз по реке, им на встречу⁹. Из источников не вполне понятно, знали ли защитники Новгорода заранее точное местонахождение неприятеля, но, во всяком случае, о пребывании его на Двине они осведомлены были, да и московские силы располагали такой же информацией о своем противнике.

На стороне новгородцев, согласно летописям, выступали двиняне, а также кореляне¹⁰ и печеряне¹¹. Именно последние, очевидно, указаны в МЛС как «заволочане», выступавшие наряду с «двинянами»¹². Хотя Печора входила в состав Заволочья, равно как и Северная Двина, но великокняжескому летописцу надо было как-то отделить их от собственно двинян. В сообщении новгородской летописи заволочане упомянуты дважды, причем и как синоним двинян, и как наименование печерян, в качестве новгородских союзников¹³. Но больше всего ополченцев было собрано именно из двинян — их разгром, с потерей знамени, для МЛС означал поражение всей новгородской силы. Да и все сражение между обеими судовыми ратями характеризуется летописцем именно как бой с «двиняны»¹⁴. Ермолинская летопись даже уверяет, будто двиняне были мобилизованы в полном составе («все»). Однако этот источник говорит и о «великой» именно «новгородской силе», хотя, как будет показано ниже, большого числа собственно новгородцев на Двине быть не могло¹⁵. Как мы видели, Ермолинская летопись весьма неточно передает состав московских союзников, поэтому и к ее сведениям о противниках надо отнестись с осторожностью. Но, в любом случае, двиняне составляли весьма значительную

часть новгородской рати.

В московском отряде, впрочем, самих москвичей было тоже меньшинство. Типографская летопись даже уверяет, что Образец вообще шел с «едиными» устюжанами¹⁶. Хотя, конечно, плыть от Москвы в Устюг по Новгородским рубежам с одними боевыми холопами было бы неразумно, поэтому большего доверия заслуживают слова МЛС о том, что с ним были «устюжане, да и прочии вои»¹⁷ — московские служилые люди. Поскольку основные силы были направлены в Приильменье, где только в отряде Холмского и Хромого было несколько тысяч воинов, то с Образцом и Слепцом Тютчевым не могло быть много служилых людей. Да и сама численность московской судовой рати — около 4 тысяч воинов, как раз соответствует силе ополчений двух относительно крупных городов Русского Севера.

По словам МЛС и Типографской летописи, московская сила насчитывала порядка 3970 человек («4000 без 30»), а новгородцы — 12 тысяч¹⁸. По мнению Ю.Г. Алексеева, численность новгородской рати в летописях завышена, ибо такое войско трудно набрать на малонаселенном русском севере, а для транспортировки потребовалось бы около 400 кораблей. Летописные же данные о числе московского войска исследователь считает правдоподобными¹⁹. На наш взгляд, новгородцы чисто технически могли собрать рать, значительно превышавшую московскую — при условии активной мобилизации печерян, корелян и двинян, с привлечением какой-то части собственно новгородцев. Впрочем, последних не могло быть много, так как в тот год Новгород и так снарядил две судовые рати, а также большое ополчение на Шелонь²⁰. Но флотилия из нескольких сот кораблей, в период летнего обмеления рек, в условиях стоявшей в тот год на Руси сильной засухи, конечно, была бы очень неповоротливой и неудобной. Поэтому, вопреки летописным цифрам, новгородцы в тот раз скорее всего, действительно собрали значительно менее 12 тысяч ратников. Однако, в любом случае, и другие летописи тоже подчеркивают их многочисленность: Устюжская, Ермолинская и «Словеса Избранные иже толковые суть» в Новгородской IV летописи по списку

Дубровского²¹. Таким образом, можно принять, что новгородцев было никак не меньше, а то и побольше, чем москвичей с вятчанами и устюжанами. Даже если предполагать, что с обеих сторон выступало примерно поровну, по 4 тысячи воинов, то каждая рать имела порядка сотни судов.

Исследователи обычно не вдавались в подробности сражения на Шеленге, просто воспроизводя сообщения летописцев и констатируя победу москвичей, как повелось со времен Карамзина²². Н.И. Костомаров, например, вовсе это сражение не рассматривает, хотя на московско–новгородских отношениях того времени останавливается весьма подробно²³. Это же относится и к труду Л.В. Черепнина об образовании Русского централизованного государства: в специальных разделах, посвященных подробному описанию новгородской истории 1470–х гг., ученый тоже не упомянул эту битву²⁴. Лишь недавно Ю.Г. Алексеев посвятил сражению на Шеленге немало страниц в специальной монографии о походах московских войск при Иване III, рассмотрев все летописные известия, с информацией о численности войск, ходе боя, национальном составе воевавших за Новгород и за Москву жителей русского Севера. Также исследователь предпринял попытку определить место сражения на Двине. Он обнаружил сведения о Шеленской волости в XIX в., но к современным реалиям точно привязать их не смог, примерно локализовав место у Северной Двины между устьями рек Ваги и Ваенги²⁵.

Тем не менее, даже после такого исследования, в историю сражения можно внести некоторые дополнения и уточнения, часть из которых была сделана выше. Далее мы обратимся к составу ратников войска князя Гребенки Шуйского, набранных из самого Новгорода, а также попытаемся точнее локализовать место битвы.

Обычно участвовавшие в битве новгородцы никак социально не идентифицируются. Но в Устюжской летописи есть интересное указание на то, что они были «шилниками» — бандитами, причём источник так называет их дважды, при перечислении состава новгородской рати и при повествовании о ее боевых потерях после проигранного сражения²⁶. Эта летопись, опирающаяся,

видимо, на свидетельство самих устюжан, участвовавших битве в составе московской судовой рати, источник весьма ценный. Именно она даёт точное место битвы — у реки Шеленги. Поэтому такая необычная характеристика новгородского контингента заслуживает внимания и выглядит необычно, даже при том, что летописец откровенно поддерживал москвичей, воодушевленно уверяя, что «везде бо Бог помогаше великому князю за его правду»²⁷. В русских летописях врагов «шильниками» никогда не именовали. Даже москвичи, называя новгородцев изменниками, это слово ко всей новгородской рати не применяли. Между тем из МЛС известно, что неких «шильников» использовала во внутривполитической борьбе новгородская «литовская партия».

Московский пицальник, вт. пол. XV в.

Рис. Красникова А.В., 2014 г.

Первый раз они упомянуты в конце 1470 г., когда новгородские сторонники «литовской ориентации» выступали против отправки вновь избранного архиепископа на традиционное утверждение митрополиту Московскому. Для усмирения сторонников «московской партии» и были наняты «худые мужики вечники», чтобы побивать их камнями на вечевых собраниях²⁸. Надо сказать, что они смогли своего добиться — и по московским, и по новгородским известиям, новый владыка был поставлен лишь больше года спустя, уже после того, как Иван III после летних боев заставит новгородцев считаться с великокняжеской властью²⁹. В другой раз, «литовская партия» вновь наняла «тех убийц шильников» весной 1471 г., для того чтобы принудить на вече своих промосковских противников отдать Новгород под покровительство великого князя Литовского. На этот раз летописец прямо отнес «шильников» к бедным, «безыменитым мужикам», выступавшим на вече в поддержку «литовской партии»³⁰. Надо полагать, что это произошло уже после 15 марта, когда из города уехал прежний литовский наместник князь Михаил Олелькович³¹. Что тогда конкретно делали «шильники» — не вполне понятно, московский великокняжеский летописец оживленно переключился на осуждение новгородских вечевых порядков вообще, где всякое неимущее простонародье может участвовать от лица «Великого Новгорода» в управлении государством³². Возможно, именно эти «мужики» трезвонили на вече в колокола и гулко орали «как псы»: «За короля хотим»³³. Впрочем, это может быть и метафора официозного княжеского летописца, привыкшего в Москве к заседаниям князя с его ближним именитым окружением, а не к многочисленным и бурным вечевым собраниям с участием городских низов, на площадях.

Таким образом, новгородские «шильники» — люмпены, криминализирующаяся городская беднота, готовая за плату на все. При этом они, вероятно, объединялись в банду с постоянным составом, хорошо известную

новгородским властям, ведь в обоих случаях лидеры «литовской партии» наняли одних и тех же людей. Правда В.Л. Янин, обосновывая тезис об элитарном, немногочисленном характере новгородских городских вечевых собраний, полагает, что «худой мужик–вечник» — оценка сугубо «моральная»³⁴. Но речь явно идет о «безыменитых» людях и московский книжник осуждает вече именно как скопище простонародья. С другой стороны, результаты археологических исследований на территории Ярославова Дворища в самом деле склоняют к мысли о малой вместимости новгородской городской вечевой площади. При этом вскрытая археологами кремлевская вечевая площадь соседнего Пскова тоже вмещала далеко не весь город, как это может показаться по псковским письменным источникам. Но надо иметь в виду, что новгородское, а также, видимо, и псковское вече, было многоступенчатым, кроме представительных элитарных городских собраний проходили предварительные кончанские районные сходки с широким составом участников³⁵. Туда–то и могли послать «худых мужиков-вечников», для поддержки «литовской партии».

Впрочем, некоторые исследователи считают сведения о шильниках недостоверными, относя их к официозным московским инсинуациям³⁶. По их мнению, новгородцы и без того были в массе против московской власти. Однако подобный взгляд на обстановку в Новгороде представляется слишком упрощенным. Антимосковские настроения были в самом деле популярны в тогдашнем Новгороде — не так давно новгородцы призывали из Литвы к себе на княжение Михаила Олельковича, а также громили на городищенской резиденции московских наместников³⁷. И это не удивительно, поскольку, как показал В.Л. Янин, в это время пролитовский Неревский конец пользовался поддержкой Плотницкого и Прусской улицы, а промосковского курса придерживался только Славенский конец³⁸. Однако, как мы отмечали в свое время, авторитет «литовской партии» сильно пошатнулся после выборов новгородского архиепископа 15 ноября 1470 г., когда, вопреки ее чаяниям, в ходе традиционной жеребьевки новым архиепископом стал Феофил, сторонник

традиционного мира с Москвой. Пролитовский же ставленник, бывший владычный ключник Пимен, не только проиграл выборы, но был обличен в разворовывании владычной казны, побит и оштрафован. Поэтому, когда решался вопрос о традиционном утверждении в Москве нового владыки, или заключении союзного договора с великим князем Литовским весной 1471 г., «литовской партии» вполне могло понадобиться в качестве дополнительной силовой поддержки нанимать бандитов, для физического давления на своих оппонентов³⁹.

Добавим, что в первом случае московский князь через новгородского посла Ларионова успел обещать новгородцам, что митрополит, по старой традиции, утвердит «без зацепок» выбранного новгородцами архиерея⁴⁰. Поэтому части новгородцев могло быть просто неясно, зачем надо теперь отказываться от старинного формального обряда у великокняжеского митрополита, который реально никогда не стеснял Новгород в выборе архиереев. А во втором случае приглашенный по инициативе «литовской партии» Михаил Олелькович поссорился с новгородцами, и мало того, что променял Новгород на Киев, так уходя еще пограбил южные владения Республики. Согласно Псковской летописи он допек новгородцев неумеренными поборами и многие из них могли после этого с недоверием относиться к какому бы то ни было союзу с литовскими властями, хотя сама кандидатура Михаила Олельковича была выбрана Казимиром IV⁴¹.

Итак, возникает вопрос, не эти ли новгородские «шильники» упоминаются под тем же наименованием в Устюжской летописи, независимой от московского великокняжеского свода, как участники боя на речке Шеленге? Если именно они являлись собственно новгородским контингентом в пестрой рати, проигравшей сражение, то многочисленным он быть не мог, так что разгром составлявших главные силы двинян действительно означал победу москвичей. Послав на Двину лишь городских бандитов, которых обычно немного относительно прочего боеспособного населения, лидеры «литовской партии» убивали сразу двух зайцев: отправили против московских служилых

людей лихих и бесшабашных головорезов, а заодно удалили из города маргинальный элемент, который в тяжелой обстановке войны мог выйти из-под контроля и причинить много неприятностей своим бывшим нанимателям. Кроме того, новгородская верхушка могла быть уверенной, что назад «шильники» в любом случае вернутся в меньшем количестве.

Новгородский ушкунник, вт. пол. XV в.

Рис. Красникова А.В., 2014 г.

Правда, к войску они присоединились не сразу — Гребенка Шуйский вместе с Василием Никифоровичем были отправлены на Двину еще в 1470 г., а «шильники», как мы видели, находились в городе еще как минимум в марте 1471 г. Впрочем, когда точно отбыли князь с боярином — не ясно. По

сведениям МЛС и Типографской летописи, их послали на Двину с прибытием Михаила Олельковича, то есть осенью 1470 г.⁴² Однако, как показал Ю.Г. Алексеев, всё известие МЛС о новгородско–московском размирье не совсем точно, с точки зрения последовательности событий: призвание Михаила Олельковича связывается с отказом «литовской партии» посылать Феофила на поставление, тогда как на самом деле, по более точным данным псковского летописания, Михаил Олелькович прибыл в Новгород еще за неделю до выборов Феофила⁴³. Другое дело, что московский летописец мог и не знать точно, когда именно приехал этот литовский князь. Но, в таком случае, он тем более вряд ли располагал достоверной информацией о времени ухода Гребенки Шуйского на Двину и видимо поменял события местами. Сведения же Типографской летописи, в свою очередь, во многом зависели от московских данных.

Менее противоречивыми кажутся показания новгородского летописания, сохранившиеся в Строевском списке Новгородской IV летописи (далее — НIVЛ). В статье под 6978 (1470) г. многие события предваряются оборотом «того же лета», что могло иметь два значения — в тот же год, или в тот же летний сезон. Однако последние события этой погодной статьи отмечаются как свершившиеся «той же осенью». Среди осенних событий — смерть Ионы, избрание Феофила, приезд Михаила Олельковича, а среди более ранних, летних, или, во всяком случае, случившихся до наступления осени, — отъезд Василия Гребенки с воеводой Василием Никифоровичем на Двину⁴⁴. Однако в этой статье ошибочна датировка — согласно тогдашнему сентябрьскому стилю, новый 6979 г. начинался с осени, с 1 сентября, соответственно, осенние события должны были быть отнесены к 6979 г. Но сама последовательность случившегося передана верно, и поэтому новгородские сведения об отъезде Гребенки Шуйского вызывают большее доверие, чем московские. К достоверности первых склоняется и Ю.Г. Алексеев, правда без рассмотрения альтернативной версии⁴⁵. Он тоже считает, что служилый князь и воевода ушли на Двину до осени, но мотивирует это тем, что их отъезд датирован 6978 г., хотя

к тому же году по ошибке, как мы уже заметили, отнесены и осенние происшествия. Но, поскольку летопись прямо отделяет интересующий нас сюжет от осенних событий, то очевидно, что вопреки московской версии Василий Гребенка Шуйский и Василий Никифорович отбыли на Двину еще до наступления осени 1470 г. Следовательно, в любом случае событие произошло в пределах этого года, то есть на несколько месяцев раньше возможного выступления «шилеников».

Цель миссии не поясняется летописцами, но само упоминание воеводы в новгородских источниках склоняет нас к мысли, что поехали они туда чтобы заблаговременно собрать силы для обороны севера на случай войны с Москвой: «литовская партия» не могла не знать, что ее внешнеполитический курс может привести к разрыву с Иваном III, а москвичи, как и в былые времена, с большой долей вероятностью не откажутся от новой попытки завоевать Заволочье. «Шиленики» вышли из Новгорода никак не ранее второй половины марта, а значит встретились на Двине с Гребенкой Шуйским и Василием Никифоровичем не раньше апреля. Впрочем, новгородцы вполне могли отправить их на подмогу своей двинской рати даже в начале лета, узнав, что из Москвы на север отплыла великокняжеская судовая рать. Из Новгорода по рекам можно было скорее попасть на Северную Двину, чем из средней полосы России, так что «шиленики» имели все шансы поспеть туда заранее, соединиться с основными силами и выйти навстречу москвичам к устью Шеленги.

Теперь обратимся к локализации места битвы. Ю.Г. Алексеев верно выбрал регион среднего течения Двины, где в самом деле между Вагой и Ваенгой в XIX в. существовала Шиленинская волость. Но нам кажется, что место можно уточнить. Дело в том, что в указанном районе на правом берегу Двины находится деревня Шиленинга, при впадении маленькой одноименной речки Шиленинга. Очевидно, в честь нее и была названа Шиленинская область. Надо сказать, что в состав бассейна реки Двины входит еще одна река с таким названием, но непосредственным притоком она не является, тогда как

источники сообщают именно о побоище на Двине. Поэтому речь должна идти именно о той самой Шиленьге, которая впадает в Северную Двину у одноименного поселения. Отмеченное Ю.Г. Алексеевым отсутствие ее на многих картах и в Книге по Большому чертежу объясняется крайне малой протяженностью этой речушки⁴⁶. Но все же местные жители по ее названию дали наименования окрестным урочищам, явно архаичные. Рядом с ней простирается Шиленский полой, то есть пойма заливаемая в половодье, а чуть в стороне от ее устья, посреди Двины, находится остров Шиленская согра, видимо от славянизированного финского слова «саари», то есть «остров». Полагаем, что при впадении именно этой речки в Двину и было сражение. Если так, то тогда становятся более понятными некоторые реалии боя.

Согласно МЛС обе рати, встретившись на Двине, «вышед из суд обо печи»⁴⁷. Также и по свидетельству Типографской летописи, встретившиеся на реке противники «выидоша из судов обои на брег»⁴⁸. Однако при этом, как отмечено в «Словесах избранных» по списку Дубровского, судовые рати бились и на реке, и на берегу⁴⁹. Ермолинская летопись сообщает, что они сперва договорились предварительно о бое на суше: «обославшеса меж себе излюбиса вышед на брег битися»⁵⁰. Как видим, известия о начале битвы в источниках разнятся. Интересно, что прежде в древнерусских источниках вообще не было сведений о схватках на судах, которые всегда служили только средством доставки пехоты. Но, зная характер местности, можно предположить, что рати встретились на Двине на судах, начали бой на воде, потом по взаимному уговору, пристав к правому берегу реки при впадении Шиленьги, высадились на сушу биться пешими. Дело в том, что в районе устья Шиленьги много песчаных отмелей и широкое русло Северной Двины делится на сравнительно узкие и неглубокие протоки, омывающие многочисленные острова. Шиленьга как раз впадает в средней части этого русла. Правда, именно напротив ее устья, череда островов слегка прерывается, и на небольшом участке, перед островом Шиленская согра, река вновь разливается во всю ширину. Здесь—то видимо и произошла водная часть боя между двумя

флотилиями.

Однако и в этом месте для десятков, а то и сотен древнерусских судов пространство получается тесным. А поскольку на Руси в тот год было сухое лето, что и сделало возможным небывалый прежде летний поход москвичей на болотистую Новгородскую землю, то река в последних числах июля стала особенно мелкой. В таких условиях судам нужно было плыть, фактически, гуськом, аккуратно маневрируя. Во всяком случае, устраивать большое речное сражение даже на расширенном участке русла просто не было возможности. Поэтому противники, очевидно, быстро поняли, что можно сесть на мель, повредив свои суда, — и условились между собой биться на берегу. Возможно, было оговорено и точное место сражения, поскольку непосредственно на берегу в устье Шиленьги низкая пойма — поймой. Надо было найти место потверже и повыше. Отсюда понятно, почему первая фаза сражения, на воде, почти не упоминается летописцами: столкновение было слишком кратковременным и не принесло ни одной из сторон никаких важных результатов, тогда как основная часть битвы происходила на берегу, где обе рати сражались пешими.

Как известно, бой шел долго, с утра до позднего вечера, и москвичи лишь под конец взяли верх. Летописи почти единодушны в известиях о продолжительности сражения. По МЛС ратники вышли из судов в третьем часу дня (то есть примерно в девятом часу утра по современным меркам) и бились до захода солнца⁵¹. Согласно «Словесам избранным» воины сражались с утра и до ночи, на воде и на суше⁵². Устюжская летопись утверждает, что схватка длилась с четвертого часа дня (приблизительно с десятого часа утра) до вечера⁵³. Хотя показания великокняжеского летописца и Устюжской летописи слегка разнятся, это не имеет принципиального значения, ведь в то время в походных условиях русские люди едва ли могли как-то иначе определять время, чем по солнцу. Поэтому такая погрешность была естественной. К тому же надо иметь в виду, что в районе Москвы световой день как по протяженности, так и по характеру освещения несколько отличается в конце июля от светового дня на Двине. Уже поэтому москвичи могли несколько иначе воспринимать

продолжительность дня и делить его на часовые доли, чем жители относительно близко расположенного к тем местам Великого Устюга. Но в целом во всех источниках вырисовывается картина многочасового сражения, длившегося с утра и до темноты.

Итак, сперва москвичи разгромили главные силы неприятеля — двинян, после чего новгородские «шилники», печеряне и кореляне были уже обречены. Вероятно, московские воеводы намеренно ударили по самому многочисленному отряду неприятеля, чтобы сразу нанести ему решительное поражение. Тем более, что по признанию новгородского летописца, было немало и таких двинян, которые не «тянули» к новгородскому воеводе Василию Никифоровичу и служилому князю Гребенке Шуйскому⁵⁴. Вряд ли они напрямую переходили на сторону неприятеля, иначе враждебные Новгороду памятники летописания не забыли бы отметить этот момент. Но нерадивость в бою проявляли и это обстоятельство, по новгородской летописной версии, сыграло важную роль в ходе сражения. Трудно сказать, что вызвало несогласие в рядах двинян — общие противоречия между Новгородом и его северными данниками или плохие отношения лично с князем и воеводой, которые около года кряду провели на Двине, где, надо полагать, содержались за счет местного населения. Так, Типографская летопись сообщает, что Гребенка Шуйский от новгородцев еще в 1470 году получил Заволочскую землю во владение, то есть в кормление⁵⁵. Сама новгородская летопись причин не называет, поэтому встречающиеся в историографии утверждения о стремлении двинян не зависеть от Новгорода⁵⁶ или нежелании биться за интересы пролитовских новгородских бояр—олигархов⁵⁷ не имеют никакой опоры в источниках. Однако, нежелание части двинян активно защищать интересы Новгорода, безусловно сыграло роль в поражении всего их отряда, а затем и остального войска.

Тем не менее, основная масса двинян защищалась храбро — бой шел весь день, пока у них не удалось захватить боевое знамя. Московский хронист даже уверяет, что это вышло только с третьего раза — дважды погибали знаменосцы, но всякий раз двиняне снова подхватывали стяг⁵⁸. Как мы знаем, знамя в те

времена было не просто символом, но еще и важным орудием управления войском — им передавали определенные сигналы для многочисленных ратников. Поэтому потеря знамени могла решить исход сражения. Таким образом, в отличие от Шелонской битвы того же года, где москвичи быстро показали пример лучшей военной организованности и боевой тактики, двинская московская судовая рать, состоящая большей частью из северных ополченцев, ожесточенно сражалась весь день до самого наступления темноты.

Трудно оценить и количество жертв. В источниках содержатся разные сведения, известно лишь, что потери были с обеих сторон. По всем летописным данным, с новгородской стороны ратников было убито очень много. О московских потерях источники почти не говорят, лишь по свидетельству МЛС пострадало будто бы всего 52 человека — 50 вятчан, один устюжанин, один человек Бориса Слепца, а прочие «Богом хранимы быша»⁵⁹. Устюжская летопись сообщает о 5 павших устюжанах⁶⁰. То есть данные летописей противоречат друг другу и оба источника явно преуменьшают число убитых воинов московской судовой рати. В ожесточенном многочасовом бою, упомянутом в том числе и в этих источниках, пострадать должно было больше. Вполне логичным нам кажется заключение новгородского летописца, что в сражении «паде многое множество с обе половины»⁶¹.

С новгородской стороны понесли потери как двиняне и печеряне, во главе с «большим» двинским воеводой Игнатом Кашиным, так и новгородский контингент, состоящий из «шилльников». Часть из них была «иссечена», а часть, по данным великокняжеского МЛС и Типографской летописи, утоплена в реке⁶². Ю.Г. Алексеев видит в этом возможное указание на бой на судах⁶³. Но человек в тяжелом вооружении, просто сброшенный с берега даже в неглубокую реку, имел мало шансов спастись. Известно, что в произошедшем незадолго до этого сражении у Коростыни, между новгородской судовой ратью и московскими полками Холмского и Хромого, москвичи многих новгородцев «в воде истопоше», хотя их судовая рать вся давно вышла на берег и пришла «таем» под самый московский лагерь⁶⁴. Получается, что сражаясь с врагами у

реки, москвичи не упускали случая сталкивать их в воду и битва на Двине скорее всего не была в этом исключением.

Новгородский шильник, вт. пол. XV в.

Рис. Красникова А.В., 2014 г.

Часть новгородской силы, впрочем, спаслась бегством на судах. Князь Гребенка–Шуйский был ранен и уплыл с некоторым числом людей в лодке вниз по Двине в крепость Холмогоры, а оттуда — в Новгород. Трудно судить, сбежал ли он сам после разгрома судовой рати⁶⁵, или серьёзно раненного стрелой князя увезли соратники⁶⁶. Воевода Василий Никифорович тоже бежал в Новгород. Туда же вернулись и уцелевшие новгородские воины «в мале дружине»⁶⁷. Тем временем московские воеводы прошли по Двине, захватывая укрепленные

городки и села, взяли много «полону» из числа местных жителей — подрыв хозяйства неприятеля, разорение и ослабление вражеских владений были тогдашним способом ведения войн. Однако именно победа на Двине в устье Шеленги реально привела к установлению в этом крае московской власти. Потерпевшая поражение новгородская судовая рать состояла в основном из местных северных жителей, двинян и печерян, так что с этого момента население русского Севера было заметно ослаблено в военном отношении и едва ли способно к эффективному вооруженному восстанию против новой московской власти. Возможно, кстати, именно поэтому Иван III в тот год присоединил к московским владениям только Двинскую землю, а не все Заволочье с Печорой: двиняне пошли на войну относительно большим числом, соответственно, и урон понесли более ощутимый, чем те же печеряне.

¹ МЛС // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 2000. — Т. 25. — С. 286.

² Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 9–18; Молочников А.М. Даточные люди черносозных земель в войске Ивана Грозного: лыжная и судовая рать [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. — С. 203-226 <http://www.milhist.info/2013/04/10/molochnikov_1> (10.04.2013). Сравни: Селиверстов Д.А. К вопросу о службе “даточных людей” в войске Иоанна Васильевича Грозного (отклик на статью Молочникова А. М.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. — С. 73-93 <<http://www.milhist.info/2013/05/23/seliverstov>> (23.05.2013); Молочников А.М. Замечания на отклик Д.А. Селиверстова по поводу статьи о даточных людях черносозных земель в войске Ивана Грозного

[Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. — С. 94-103 <http://www.milhist.info/2013/07/08/molochnikov_2> (08.07.2013). См. также: Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI — нач. XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 1-36. <<http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov>> (17.09.2014).

³ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 160.

⁴ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 136.

⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 191.

⁶ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 92–93.

⁷ МЛС. — С. 290.

⁸ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 160; ПСРЛ. — Т. 37. — С. 47, 92–93; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446, 512; ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191.

⁹ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191.

¹⁰ «Словеса избранные иже толковые суть» // ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 512.

¹¹ ПСРЛ. — Т. 37. — С. 47, 92–93; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 447.

¹² МЛС. — С. 290.

¹³ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 447.

¹⁴ МЛС. — С. 290.

¹⁵ ПСРЛ. - Т. 23. - С. 160.

¹⁶ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191.

¹⁷ МЛС. — С. 290.

¹⁸ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191; МЛС. — С. 290.

¹⁹ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 135.

²⁰ Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

²¹ ПСРЛ. — Т. 23. — С.160; ПСРЛ. — Т. 37. — С. 47, 92–93; ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 512.

²² Карамзин Н.М. История государства Российского. — СПб., 2000. — Кн. 2. — Т. 6. — С. 256.

²³ Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно–вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). — М., 1994. — С. 102–155.

²⁴ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. — М., 1960. — С. 830–867.

²⁵ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 130–140.

²⁶ ПСРЛ. — Т. 37. — С. 47, 92–93.

²⁷ Цит. по: Там же.

²⁸ МЛС. — С. 285–286.

²⁹ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 447–448; МЛС. — С. 292.

³⁰ МЛС. — С.286.

-
- ³¹ Псковские летописи (далее — ПЛ). — М., 1956. — Вып. 2. — С. 173.
- ³² МЛС — С. 286.
- ³³ Там же. — С. 286–287.
- ³⁴ Янин В.Л. Социально–политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. — Л., 1982. — Вып. 1 (11). — С. 94.
- ³⁵ Несин М.А. Социальная организация Новгородского веча // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. 17–18 ноября 2011 года. — Великий Новгород, 2013. — С. 71–88.
- ³⁶ Лурье Я.С. Две истории Руси. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. — СПб., 1994. — С. 43; Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). — СПб., 2003. — С.311.
- ³⁷ Несин М.А. Новгород 1470–х годов: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной старине // Новгородика. 2010. — Великий Новгород, 2011. — Ч. 1. — С. 210.
- ³⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 1962. — С. 346–349.
- ³⁹ Несин М.А. Новгород 1470–х годов: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной старине. — С. 210.
- ⁴⁰ МЛС. — С. 285.
- ⁴¹ ПЛ. — Вып. 2. — С. 173; МЛС. — С. 290.
- ⁴² МЛС. — С. 285; ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191.
- ⁴³ Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. — СПб., 1992. — С. 165.
- ⁴⁴ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446.

-
- ⁴⁵ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 139.
- ⁴⁶ Там же. — С. 138.
- ⁴⁷ МЛС. — С. 286.
- ⁴⁸ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 190.
- ⁴⁹ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 512.
- ⁵⁰ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 160.
- ⁵¹ МЛС. — С. 290.
- ⁵² ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 512.
- ⁵³ ПСРЛ. — Т. 37. — С.47, 92–93.
- ⁵⁴ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 448.
- ⁵⁵ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191.
- ⁵⁶ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 140.
- ⁵⁷ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — М.,– Л., 1961. — С. 288.
- ⁵⁸ МЛС. — С. 290.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ ПСРЛ. — Т. 37. — С. 47, 92–93.
- ⁶¹ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 448.
- ⁶² ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191; МЛС. — С. 290.
- ⁶³ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 139.
- ⁶⁴ МЛС. — С. 289.

⁶⁵ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 160; ПСРЛ. — Т. 37. — С. 47, 93; ПСРЛ. — Т. 24. — С. 191; МЛС. — С. 290.

⁶⁶ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 512. См. также: Абрамович Г.В. Князья Шуйские и Российский трон. — Л., 1991. — С. 67.

⁶⁷ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 448.